

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ
И НЕ ТАКИХ
ГАСИЛИ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

И не таких гасили

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

И не таких гасили / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014 — (Спецназ ВДВ)

ISBN 978-5-699-69492-1

В Антитеррористический центр поступила информация, согласно которой скандально известная бизнесвумен Белла Темногорская установила деловые отношения с международным террористом Шамилем. Сотрудники Центра внедряют в окружение Темногорской подполковника спецназа ВДВ Константина Антонова с заданием выяснить, что та затевает. Антонов начинает расследование и вскоре выясняет, что Шамиль и Белла готовят беспрецедентную по масштабу террористическую атаку. Они планируют захватить три российские атомные электростанции и под угрозой их взрыва потребовать от Президента отказа от своего поста в пользу американского ставленника...

ISBN 978-5-699-69492-1

© Зверев С. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

1. Пассажир из Сочи	5
2. Испорченный уик-энд	9
3. Две девы	12
4. Сатана там правит бал	19
5. В болотном логове	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Зверев

И не таких гасили

1. Пассажир из Сочи

В десять тридцать утра под ажурные своды сочинского аэропорта вошел немолодой мужчина, одетый в старомодный коричневый костюм и полосатую рубашку с большим воротником. Роста он был невысокого, на ходу прихрамывал, одной рукой опирался на толстую из легкого металла трость, в другой нес красную дорожную сумку с надписью ОЛИМПИАДА-2014. Внимательный наблюдатель отметил бы его ярко-голубые глаза за стеклами дешевых очков в пластмассовой оправе. Волосы у него были светлые, давно не стриженные, взлохмаченные на затылке и над ушами.

Поискав глазами указатель туалета, мужчина направился напрямик туда, деликатно подождал, пока уборщица в форменном халате дотрет рябой мрамор перед входом и потянул на себя тяжелую дверь. Очутившись внутри, он некоторое время стоял перед зеркалом, приглаживая волосы, а потом скрылся в свободной кабинке. Минуту спустя в туалет вошла уборщица и принялась возить шваброй по плиткам, что-то бурча себе под нос.

Мужчина не прислушивался к ее недовольному бормотанию. Запершись изнутри, он поставил сумку на унитаз, достал зеркало и закрепил его на двери с помощью клейкой ленты. Затем, действуя быстро, но не суетливо, разделся до трусов, после чего поддел пальцами и стащил с головы парик, скрывавший его черные, жесткие курчавые волосы. Пшеничного цвета брови тоже оказались накладными – мужчина избавился от них резким рывком, каким обычно избавляются от пластыря, наклеенного поверх раны.

По соседству смыли воду, кто-то вышел из туалета, вызвав тем самым неудовольствие уборщицы, которую не радовало также появление все новых и новых посетителей. По-прежнему не обращая внимания на происходящее снаружи, мужчина в кабинке приладил на живот широкий пояс с поролоновой прокладкой, натянул сверху яркую рубаху навыпуск и сразу сделался полнее и как-то солиднее. На этом перевоплощение не завершилось. В считанные минуты мужчина наклеил усы, натянул широкие джинсы и переобулся в кроссовки, подложив под ступни специальные прокладки, сделавшие его сантиметров на пять выше.

Разъединенная на две половины трость была убрана в сумку, оттуда он извлек пластиковую коробку с отделениями, в которых хранились кисточки, краски, кремы и прочие принадлежности для грима. Первым делом мужчина избавился от линз, стал черноглазым. Потом он замазал тональной пудрой темные полукружья под глазами. Наконец запихнул за щеки резиновые подушечки, чтобы лицо не выглядело слишком худым по сравнению с туловищем. Теперь он был лишен возможности нормально пить и есть, зато преобразился настолько, что никто не узнал бы в нем того немолодого человека, который зашел в мужской туалет десятью минутами ранее.

Некоторое время он смотрелся в зеркало, хмурясь, улыбаясь и гримасничая на разные лады, чтобы свыкнуться с новым образом. Усы при этом держались прочно, к тому же они были сделаны из настоящих волос и вполне естественно редели под носом. Их изготовил старенький художник-гример грозненского театра имени Лермонтова, преподававший мужчине азы своего мастерства. В настоящий момент старичок мирно гнил в могиле, а его благодарный ученик и думать о нем забыл, потому что не имел привычки вспоминать людей, которых был вынужден отправить на тот свет.

Поразмыслив, он надел очки с дымчатыми стеклами и остался очень доволен своим отражением в зеркале. Порывшись в снятом костюме, мужчина рассовал по карманам деньги,

билеты, мобильник и всякую мелочь. Паспорт он заменил, а содержимое красной сумки переложил в черную, припасенную заблаговременно, как и все остальное.

Убедившись, что уборщица ушла, мужчина покинул кабинку и тщательно вымыл руки, пользуясь возможностью постоять перед большим, хорошо освещенным зеркалом. Затем подхватил сумку и, покинув туалет, направился напрямик к регистрационной стойке, куда пригласили пассажиров рейса на Санкт-Петербург.

Он был бы крайне удивлен и обескуражен, если бы видел, как уборщица, уже без форменного халата, без стука вошла в кабинет дежурного администратора, достала из кармана халата мобильный телефон и скороговоркой доложила:

– Брюнет в желто-зеленой рубашке. Усы, затемненные очки, черная сумка «Адидаас». Прошел на регистрацию. Рейс SU 4380. Как поняли меня? Эс'ю, четыре, три, восемь, ноль.

Спрятав телефон, женщина выразительно посмотрела на хозяйку кабинета. Та всем своим видом и жестами показала, что будет нема, как рыба, а оставшись одна, быстро перекрестилась. Она казалась если не напуганной, то встревоженной.

* * *

Вечером того же дня подозрительный сочинский пассажир находился очень далеко от Черного моря и всего в сотне верст от Санкт-Петербурга. В кабинете, где он сидел, работали сразу два электрофумигатора, потому что один бы не справился с полчищами комаров и мошкар, летящих на свет. Из-за обилия фотографий, грамот и памятных сувениров кабинет походил на маленький музей. Гость уже несколько раз видел их и никогда не проявлял к ним особого интереса. Его внимание было сконцентрировано на хозяйке кабинета, расположившейся за массивным письменным столом.

Это была крупная, очень крупная женщина лет пятидесяти. Ее каштановые волосы, стриженные под горшок, сильно поредели на макушке, а глаза за мощными линзами очков были такими крохотными, что казались парой насекомых, шевелящихся за стеклами. Тем не менее взгляд этих глаз был настолько пронизывающим, что всякий раз, когда толстуха смотрела на гостя, ему казалось, что его просвечивают рентгеновскими лучами. Говорила она в нос, как будто страдала хроническим насморком.

– Как добрались, Шамиль? – спросила она, поблескивая стеклами очков.

Это не было обычным вежливым любопытством. Дама желала знать, не заметил ли Шамиль слежки.

– Нормально, – ответил тот с едва уловимым кавказским акцентом. – Как всегда.

Его поза не отличалась развязностью, но и скованной тоже не была. Он сидел забросив ногу на ногу и поигрывая металлической тростью, которую, сколько помнила хозяйка, всегда привозил с собой.

– Скажите, – молвила она, указывая взглядом на трость, – для чего вам эта палка? Насколько я заметила, вы почти не хромаете.

Шамиль погладил трость:

– Это мой талисман, Белла Борисовна. Палочка-выручалочка. Я с ней никогда не расстаюсь. Точка.

Его самоуверенный тон не понравился толстухе. Она надменно выпятила нижнюю губу.

– По-моему, мы договаривались, Шамиль. Никаких имен и фамилий.

Привыкший жить под кличкой, он пожал плечами.

– Извините... Белладонна.

Шамилями называли себя многие – в честь знаменитого героя, поднявшего горцев на священную войну с Россией. А вот прозвище, которое подобрала себе хозяйка дома, казалось Шамилю крайне нелепым. Он не поленился покопаться в Сети и выяснил, что так называется

ядовитое растение, способное вызвать паралич дыхательного центра. Итальянские дамы закапывали сок белладонны в глаза для увеличения зрачков, а еще натирали ею щеки, добиваясь жаркого румянца. Отсюда и название: «bella donna» – «прекрасная дама». Собеседницу Шамиля не назвал бы красивой даже боевик, безвылазно торчащий в горах, месяцами не видевший женщин.

– А наш проект отныне будет называться «Цепная реакция», – заявила она.

– Цепная? – переспросил Шамиль.

– Именно, – подтвердила Белладонна. – Имеется в виду последовательность единичных ядерных реакций, каждая из которых вызывается частицей, появившейся как продукт предыдущей реакции.

С таким же успехом она могла бы сделать пояснение на китайском или полинезийском языке.

– Понятно, – сказал Шамиль и поспешил сменить тему. – У вас отличная вертушка. Домчала меня за каких-то пятнадцать минут.

– Да, – согласилась Белладонна, – вертолет очень хорош. Но, по-моему, у нас хватает других предметов для обсуждения. Это ваш последний визит сюда, и мы должны многое обсудить.

– Например, мой гонорар. Когда и как я его получу.

– И это тоже. Но в последнюю очередь.

Почему бы не в первую? Шамилю очень хотелось задать этот вопрос, но, взглянув в глаза Белладонны, он решил воздержаться. Когда деньги окажутся у него в руках, он с ней разберется и она ответит за высокомерный тон, за манеру брезгливо выпячивать губу, за то, что эта жирная свинья всячески подчеркивает свое превосходство.

– Как хотите, – сказал Шамиль. – Я могу подождать.

– Конечно, можете, – подтвердила Белладонна.

Это прозвучало, как если бы она небрежно обронила: «А куда ты денешься, дружок?» Шамиль молча проглотил очередное оскорбление. В настоящий момент он зависел от этой жирной свиньи. Надо отдать ей должное, башка у нее варилась здорово. План Белладонны был безупречен, но затраты окупались лишь после завершения операции. После *успешного* завершения.

Подождав, не захочет ли гость что-нибудь возразить, хозяйка кабинета решила задать первый вопрос по существу.

– Какова степень готовности наших групп?

– Они готовы, – ответил Шамиль. – Во всех трех точках.

– Я хочу, чтобы вы еще раз провели подробный инструктаж.

– Я недавно вернулся из Ростовской области. Завтра-послезавтра встречу с местной группой. Потом Тверь. Думаю, неожиданностей не будет.

– Многие великие начинания проваливались из-за человеческого фактора, – наставительно произнесла Белладонна. – Очень жаль, что я не имею возможности взглянуть на ваших людей лично.

– На них можно положиться, – заверил собеседницу Шамиль, немного рисуясь, потому что давала себя знать тщательно скрываемая, горячая кавказская кровь.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Смертники не предадут и не отступают. Они поклялись отдать жизнь за Аллаха и сделают это, если понадобится.

– Фанатизм, – понимающе кивнула Белладонна.

– Не только, – возразил Шамиль. – У каждого из них есть родственники, которых они не захотят подвести. Кроме того, им выплачены авансы. Деньги потрачены, возвращать долги нечем. – Он лучезарно улыбнулся, обнажая свои белые зубы. – Таким образом, деваться им некуда. Обратной дороги нет.

– Выходит, деньги сильнее самой неистовой веры, – пробормотала Белладонна.

С этим можно было поспорить, но Шамиль не был настроен вести религиозный диспут.

– В любом случае, – сказал он, – все эти девять человек вас не подведут. Но, как вы помните, я нашел их не на пустом месте. Они были подготовлены и переданы в мое распоряжение весьма влиятельными организациями.

Уточнение «террористическими» произнесено не было, однако сути это не меняло. Кресло под Белладонной жалобно пискнуло, когда она откинулась на высокую спинку, переплетая и расплетая пальцы на внушительном животе.

– Помню, – обронила она.

Шамиль подался вперед, опершись локтями на стол.

– Тогда, – сказал он, – вы должны понимать, что эти организации беспокоятся по поводу возврата потраченных средств. Подготовка смертников стоит недешево.

– Все участники нашей маленькой акционерной компании получают причитающиеся им доли. – От того, что Белладонна старалась говорить мягким, увещающим тоном, ее голос звучал особенно гнусаво. – Не сомневайтесь.

– Да, но где гарантии? Меня торопят и постоянно спрашивают о гарантиях!

– Смело давайте их, мой друг. Какие угодно гарантии. Это ведь лишь слова, не более того.

Шамиль почувствовал, как лоб его делается холодным от выступившей испарины. Только теперь он осознал по-настоящему, в каком незавидном положении находится. Три тройки смертников были предоставлены в его распоряжение организациями, названия которых были внесены в черный список не только Россией, но и многими странами Запада. Однако все переговоры вел он сам, тогда как Белладонна оставалась в стороне. В случае неудачи эта жирная жаба отсидится в своем болоте. А с него, Шамиля, шкуру снимут в буквальном смысле с живого.

– Что значит *лишь слова*? – вскипел он. – Вы собираетесь кинуть наших партнеров?

– Ваших, друг мой, ваших. Я их знать не знаю. – Белладонна выдвинула вперед нижнюю челюсть. – Год назад вы предложили мне посреднические услуги и попросили пятьдесят процентов. Я согласилась.

– Половина этой суммы уйдет на оплату смертников!

– Меня это не касается.

Так оно и было. Шамиль заставил себя отпустить подлокотники кресла, в которые он впился с такой силой, что ногти оставили отметины на полированном дереве. Ни в коем случае нельзя было проявлять свои эмоции перед этой толстой женщиной, которая с любопытством дожидалась его реакции. Сначала Шамиль получит от нее деньги, а уж потом...

Он развел руками и примирительно сказал:

– Я не возражаю, Белладонна. Каждый отвечает сам за себя.

Она вознаградила его за покладистость величественным, как ей казалось, наклоном головы:

– Правильно, Шамиль. Я тоже так считаю.

Он поднес к глазам пальцы, разглядывая сломанный ноготь.

– Не пора ли нам перейти к делу? – сказал он, не поднимая глаз. – Хочется поскорее покончить с этим вопросом.

– Уже скоро, – произнесла Белладонна, расплываясь в многообещающей улыбке. – Очень скоро.

2. Испорченный уик-энд

Рабочая неделя закончилась, Москва с ее заторами и предвыходной суетой осталась за дверью. Знаменитый дом на Котельнической набережной встретил Антонова долгожданной тишиной и прохладой. Войти в пустынный подъезд с дремлющей консержкой было все равно что очутиться на островке посреди бушующего океана.

Поднимаясь в лифте на свой этаж, подполковник ВДВ Антонов повертел шеей, разминая затекшие позвонки. Командированный в Антитеррористический центр, чтобы обучить тамошних сотрудников беглой стрельбе, рукопашному бою и другим премудростям десантуры, он целый день провел в спортзале АТЦ и покинул его ровно в 18.00 с сознанием выполненного долга и с чистой совестью. Наградой за усердие была одна аппетитная брюнетка, принявшая приглашение навестись в «холостяцкую берлогу» Антонова ради бокала настоящего шампанского, горстки конфет и приятной беседы. Что ж, ее бюстгальтер едва не лопался под напором грудей, так что беседовать с ней он был готов хоть всю ночь напролет. А дальше маячила долгожданная суббота, когда можно будет валяться в постели до полудня, лениво щурясь на солнечные лучи, пробивающиеся в щель между шторами. И целое воскресенье, которое Антонов решил начать с мелких домашних дел, а завершить полным бездельем.

Переступив порог, он первым делом сунул в холодильник бутылку «Периньона» – самой дорогой шипучки, изобретенной человечеством. Затем он включил настенный плазменный телевизор, а сам отправился в ванную комнату, где принял сначала обжигающе горячий, а потом ледяной душ и докрасна растерся махровым полотенцем.

Бреясь, он отстраненно наблюдал за своим отражением в затуманившемся зеркале. Его выскобленный до блеска череп странным образом контрастировал с волосатым торсом, а приплюснутый нос и губы выдавали в Антонове любителя пускать в ход кулаки. Но куда сильнее он любил наслаждаться маленькими радостями жизни, о чем свидетельствовала и двуспальная кровать в холостяцкой спальне, и настенная карта мира, на которой были отмечены все места, где ему довелось побывать по долгу службы.

Страсть к женщинам и путешествиям была побудительным мотивом, толкавшим Антонова навстречу все новым и новым опасностям. Профессия давала ему некоторые привилегии, и он беззастенчиво ими пользовался. Что касается угрызений совести, то они Антонова не беспокоили. Он не верил в Страшный суд, рай и ад. Бог, по его мнению, существовал, но был слишком занят другими делами, чтобы контролировать человеческий муравейник. Из этого вытекало, что каждый добивается всего сам и отвечает за свои поступки уже в нынешней жизни, а не в какой-то там мифической, загробной. Это подстегивало, дисциплинировало и заставляло действовать решительно.

Антонов успел облачиться в легкие кремовые брюки, сине-белую рубашу и разношенные домашние мокасины, когда его мобильный телефон заиграл тревожную мелодию, которую сразу узнали бы знатоки джазовых аранжировок Джона Барри. В окошке высветился красный, пульсирующий номер.

Сердце Антонова екнуло. Звонили из Антитеррористического центра, а именно из СМРТ – Службы международного розыска террористов. Начальник службы имел генеральское звание и был настолько засекречен, что пользовался не фамилией, а псевдонимом – Второй. Из его кабинета, как успел убедиться Антонов, были видны кремлевские звезды. И все же вместо гордости, что такой высокий человек вспомнил о его скромной персоне, Антонов почувствовал раздражение. «Оставит ли он меня когда-нибудь в покое или нет?» – подумал он.

Подавив желание грубить и хамить, Антонов взял телефон, продолжавший исполнять его любимую музыкальную тему. Звонок руководителя СМРТ вечером в пятницу не мог быть вызван его желанием поболтать с подчиненным о том о сем. Случилось что-то из ряда вон

выходящее. Если только Антона не отзывали обратно на место прохождения службы. Хорошо бы. Признаться, надоели ему антитеррористические секреты хуже горькой редьки.

– Да, – сказал Антонов в трубку.

Как и следовало ожидать, ответила ему Белянкина, секретарша начальника СМРТ, женщина неопределенного возраста, обладающая массой достоинств, среди которых преобладали все же деловые качества.

– Старик хочет тебя видеть, – произнесла она безмятежным тоном.

– Когда? – спросил Антонов.

– Десять минут назад.

– У меня нет машины времени.

– Не прибедайся. У тебя есть кое-что получше.

В АТЦ широко обсуждалось транспортное средство Антонова: белый «Порше» 911-й модели. И лишь немногие знали, что автомобиль обошелся ему в пять раз дешевле реальной стоимости, потому что был куплен не в салоне, а на месте аварии, помятый, изуродованный, облупленный. Прежнему владельцу срочно требовались деньги, чтобы оплатить ремонт совсем уж крутой тачки, в которую он имел неосторожность врезаться. Антонов обзвонил всех знакомых, собрал нужную сумму, а потом отволок «порш» в автомастерские Минобороны, где из него снова сделали конфетку. Кое-кто косился на роскошный автомобиль с неодобрением, но Антонову было плевать. Совесть у него была чиста, а это, по его мнению, было важнее всего.

– Я не волшебник, – буркнул он. – Представляешь, сколько времени займет поездка в пятницу вечером?

– Я-то да, – посочувствовала Белянкина, – а шеф нет. Ты срочно ему понадобился.

– Тогда пусть вышлет за мной вертолет, – сказал Антонов.

– Хочешь, чтобы я передала ему твоё предложение?

Антонов не хотел, а потому пять минут спустя уже сидел за рулем «Порше», в плотном потоке машин продвигаясь в сторону Китай-города. А в это время неестественно оживленный голос диджея тараторил из радиодинамиков:

– Привет всем, всем, всем! С вами опять я, Саша Пушкин, и сейчас вы узнаете самые горячие новости о самых горячих событиях на самой горячей волне радио «Москвადром»!

После такого многообещающего вступления, не делая пауз и не переводя дыхания, диджей сообщил, что кто-то там из так называемых звезд разводится, а кто-то, наоборот, женится. Поморщившись, Антонов переключил радио на другую станцию и снова положил руку на руль.

Москва погружалась в сиреневые сумерки. Все ярче светили хвостовые огни идущих впереди машин. Поток из рубиновых огней то срывался с места, то замирал перед светофорами. Антонов покорно тормозил и газовал вместе со всеми, пока все движение не застопорилось, образовав сплошную пробку на пересечении Ильинки и Лубянского проспекта.

Вывернув в ближайший проулок, Антонов погнал «Порше» известным только ему маршрутом, состоящим из сплошных поворотов и проездов на запрещающие знаки. Развить скорость выше семидесяти километров в час здесь не удавалось, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя безумным гонщиком. Вняв голосу разума, Антонов убавил газ и продолжил слалом без риска задеть бортом о стену или не вписаться в очередной поворот.

Несмотря на бодрую музыку, наполняющую салон, в ушах звучал возмущенный голос брюнетки, воспринявшей перенос свидания как личное оскорбление. Встретаться завтра она наотрез отказалась. Не то чтобы ей не было замены, но все же Антонов испытывал досаду, что он упустил возможность с ней переспать. Другой на его месте клял бы шефа СМРТ на чем свет стоит, но Антонов помалкивал, ибо любил его как отца родного.

Поначалу Антонова удивило, что начальника даже мысленно следовало называть Вторым и никак иначе. За одно только произнесение его фамилии вслух можно было загреметь сразу под три статьи Уголовного кодекса, а именно: «Государственная измена», «Шпионаж»

и «Разглашение государственной тайны». В АТЦ часто рассказывали случай, как один любопытный журналист, попытавшийся выяснить и обнародовать биографию Второго, был осужден на четыре года, и никто не считал, что он пострадал невинно. Слишком много врагов было у руководителя СМРТ. Может быть, даже больше, чем у Первого, которому был подчинен весь Антитеррористический центр. Во всяком случае, покушения на Второго совершались регулярно, тогда как Первый находился слишком высоко, чтобы надеяться достать его пулей или взрывчаткой.

Антонов отлично понимал, каково это жить под прицелом, потому что за его головой охотились с немалым рвением. Сетовать на это не было смысла. Антонов сам выбрал свою судьбу. Порой в его обязанности входило убийство людей. Он не получал от этого удовольствия, однако выполнял свою работу на совесть. В этом не было ничего похожего на патологическую страсть. Антонов воспринимал это как свой профессиональный долг. Мрази на земле меньше не становилось, однако и не увеличивалось, что уже само по себе было приятно.

Чтобы поддерживать себя в форме, Антонов каждое утро совершал пробежки, плавал и отжимался, дважды в неделю упражнялся в тире, а один раз выходил на татами или боксерский ринг. Это не считая ежегодных тренировок на базах специального назначения, откуда Антонов возвращался не только похудевшим, но и помолодевшим лет на пять. Плюс к этому постоянные командировки во все уголки земного шара, которые сами по себе являлись отличной школой выживания.

Зачем его опыт и навыки понадобились столь срочно? Вот о чем спрашивал себя Антонов, приближаясь по безлюдному коридору к владениям Второго на девятом этаже.

Белянкина встретила его загадочным взглядом. Первый признак того, что за стеной приемной происходит нечто важное.

– Привет, Роза, давно не виделись, – сказал Антонов, попрощавшийся с Белянкиной часа два назад.

Издав сдержанный смешок, она показала глазами на дверь:

– Тебя там заждались.

Антонов и Белянкина испытывали друг к другу симпатию. То, что они удержались от искушения переспать вместе, придавало их отношениям особый накал. При встречах эти двое перешучивались и поддразнивали один другого, как подростки, скрывающие взаимное влечение.

– Шеф не один? – спросил Антонов, приподняв одну бровь.

– У него какой-то тип из ФСБ, – ответила Белянкина. – Большая шишка. Мне было велено угостить его кофе. С сахаром. Можешь себе представить?

Оставаясь один на один, они могли позволить себе подтрунивать над Вторым, известным своей скупостью и педантичностью. В присутствии посторонних они не позволяли себе этого никогда.

Услышав про кофе с сахаром, Антонов скорчил завистливую мину:

– Ну и дела. Меня в вашем учреждении только водой угощают. Подозреваю, что из-под крана.

– Ничего, – утешила Белянкина, – к окончанию твоей командировки уже припасена бутылочка минералки.

Однако долго зубоскалить им не пришлось. На столе ожил интерком, издал недовольное хрюканье и жестяным голосом Второго велел Антонову немедленно зайти в кабинет. Прежде чем сделать это, он воздел глаза к потолку и сложил руки на груди, словно узник, отправляющийся на плаху. Роза Белянкина прыснула в ладонь, но, когда Антонов скрылся за дверью, выражение ее лица изменилось, и находясь кто рядом, он услышал бы ее тихий горестный вздох. Так вздыхают люди, понимающие бесплодность своих грез.

3. Две деvy

При звуке открывающейся двери сидящие за столом обратили взгляды на Антонова. Второй смотрел строго и недовольно, как и положено смотреть начальству на подчиненных. В глазах его визави читалось плохо скрываемое любопытство.

– Располагайся, подполковник. – Второй сделал сдержанный жест рукой и пояснил визитеру: – Тот самый Антонов.

Затем «тому самому Антонову» был представлен посетитель. За приставным столом сидел генерал Чацкий, возглавляющий Управление ФСБ по борьбе с терроризмом и экстремизмом. В Антитеррористическом центре он появлялся крайне редко, поскольку занимался в основном политическим сыском. Нельзя сказать, что в СМРТ его недолюбливали. К нему никак не относились. Или же *относились никак*.

Поздоровавшись, Антонов занял место напротив Чацкого и выжидающе посмотрел на Второго, своего временного начальника. Так мог бы смотреть вышколенный служебный пес, еще не решивший, как относиться к хозяйскому приятелю. Сохранять дистанцию? Вильнуть хвостом для приличия? Подать лапу? Или?..

Лицо Второго не выражало ровным счетом ничего.

– Знакомьтесь, подполковник, – произнес он. – Генерал-лейтенант Чацкий. – Проследив за тем, как Антонов в вежливом полупоклоне наклонил голову, Второй прочистил горло. – Что ж, приступим, пожалуй, – сказал он. – У наших коллег возникла небольшая проблема. Им нужна помощь.

– Сотрудничество, – звонко поправил Чацкий. – Мы предлагаем вам со-труд-ни-чес-тво.

У него было худое артистическое лицо и длинные пальцы пианиста. Рядом со Вторым, массивным, кряжистым, почти квадратным, генерал выглядел изящным и утонченным.

Антонов покосился на папку, лежащую перед шефом. Она была украшена стандартным грифом секретности и носила на себе рукописную пометку, которая легко читалась вверх ногами:

СОВМЕСТНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Антонов снова посмотрел на Второго. Тот раскрыл папку и развернул ее так, чтобы было видно подполковнику. На первой странице красовалась цветная фотография брюнета с окладистой бородой, но без усов.

– Знаешь его? – спросил Второй.

– Шамиль, – ответил Антонов. – Чеченец. Настоящая фамилия Шамаев, зовут Русланом. В честь пушкинского героя, полагаю. Он из довольно интеллигентной семьи.

– И подвиги тебе его известны? – поинтересовался Чацкий, который, следуя примеру хозяина кабинета, решил Антонову «тыкать».

Ответ он услышал, а вот взглядом подполковник его не удостоил.

– Шамиль уже лет десять находится в общероссийском розыске. Только мои орлы его дважды взять пытались. Причислен к лику международных террористов. На его руках кровь примерно сотни мирных граждан. Закончил МГИМО с отличием. Умен, хитер, беспощаден. Активный педераст.

– Гомосексуалист, – подсказал Чацкий, морщась.

– Шамиль – педераст, – упрямо повторил Антонов. – Замучил до смерти как минимум двух мальчишек. Когда у него уже не стоит, он использует...

– Достаточно! – прикрикнул Второй, хлопнув ладонью по столу.

– Избавьте нас от этих подробностей, – скривился Чацкий.

«Ну вот, – подумал Антонов, – теперь мы снова на «вы». Он пожал плечами и умолк.

Второй извлек из папки несколько неподшитых страниц и протянул через стол. Взяв их, подполковник увидел, что это распечатки стоп-кадров, сделанных при просмотре разных видеозаписей. На каждой фотографии присутствовали даты и точное время съемок. Разложив их по порядку, Антонов не сразу понял, что видит изображение одного и того же человека. Снимали его в различных аэропортах с начала мая по середину июня. На всех фото он выглядел абсолютно другим человеком, одетым и загримированным не так, как в прошлый раз. Выдумки ему было не занимать. Умения маскироваться – тоже.

– Это все Шамиль? – спросил Антонов на всякий случай.

– Он, родимый, – ответил Второй.

– Обрати внимание на последние фото, подполковник, – посоветовал Чацкий, вновь переходя на «ты».

– Уже обратил, – сказал Антонов. – Вот здесь Шамиль в допотопном костюме и лохматом парике: под провинциала косит. А тут он уже грузин или армянин, с животиком и усами. Актер.

– Еще какой! – безрадостно откликнулся Чацкий. – Сколько его ни вели, а все равно теряли. То в сортире переоденется, то в такси, то прямо на улице. Уходил прямо из-под носа. Как заговоренный.

Антонов передал фотографии обратно.

– Почему вели, почему не брали? – осведомился он.

– А вот это, подполковник, не твое...

Второй не дал генералу Чацкому закончить реплику, бесцеремонно перебив его.

– В ФСБ решили отследить связи Шамиля, – сказал он. – Было задействовано несколько десятков людей. Пути за границу ему отрезали, а здесь пытались держать под контролем...

– И держим! – поспешил вставить Чацкий. – Теперь он у нас вот где. – Его тонкие пальцы сжались в кулак, смотревшийся не слишком внушительно. – В прошлый раз мы потеряли его в Ленингра... простите, в Санкт-Петербурге. Но сегодня ему улизнуть не удалось. Он скрывается в Ленинградской области. Мшанский заказник на границе Лужского и Гатчинского районов.

– Заказник? – переспросил Антонов.

Второй и генерал посмотрели на него – первый с досадой, второй с изумлением.

– Заказник, – принялся пояснять Чацкий, – это что-то вроде заповедника. Мшанским болотам более восьми тысяч лет. Государство их охраняет как особо ценные. Охотников туда не пускают. Вход открыт только ученым и природоведам.

– И террористам, – добавил Антонов. – Ну и чем занимается Шамиль в болоте, хотел бы я знать? Не научными же исследованиями?

– Мы знаем, где именно и у кого именно он находится, – сказал Чацкий. – Вернее, догадываемся.

– Так знаете или догадываетесь?

– Р-разговорчики, подполковник! – прикрикнул Второй, хлопая ладонью по столу. – Продолжайте, товарищ генерал.

– Благодарю, – язвительно откликнулся Чацкий. – Так вот, Шамиля в Мшанском заказнике могла приютить только одна особа. Хозяйка этих мест, приватизировавшая всех и вся. Основала там туристический центр, засела посреди болот и что-то замышляет.

– Кто она такая? – оживился Антонов.

– Некая Темногорская Белла Борисовна. Живет она в старинной усадьбе на территории заказника. Усадьбу построил один граф, помешавшийся на каббалистике и прочей чертовщине. Добраться туда можно по единственной дороге и нескольким тропам.

– Поподробнее о Темногорской, пожалуйста, – попросил Второй.

– Отчаянная демократка, ревнитель либеральных ценностей, – заговорил Чацкий, собираваясь с мыслями. – Ее отец в девяностых занимал пост генерального директора корпорации «Госэнергоатом». Оставил дочери немалое наследство, которое она успешно приумножила.

У нее активов и недвижимости миллионов на пятьдесят долларов накопилось. Собственных компаний уйма.

– Почему же она поселилась в такой глуши? – поинтересовался Второй, похоже, впервые услышавший о Темногорской.

– С детства толстая, некрасивая, обиженная на весь свет, – стал объяснять Чацкий, сверяясь с досье, которое положил перед собой. – У нее никогда не было молодого человека, ее дразнили, а она считала себя самой лучшей, самой необыкновенной. В результате тяжелый внутренний конфликт, раздвоение личности, серия нервных срывов. – Чацкий развел руками. – Ей за пятьдесят, а она по-прежнему девственница. С внешним миром общается через Интернет. Считает себя русской, но Россию ненавидит лютой ненавистью.

– За что же? – спросил Антонов.

– А вот тут у меня зафиксированы некоторые ее высказывания, – оживился Чацкий, листая досье. – Ага... «Я не представляю, как можно любить русских за лживость, за пьянство, за раболепие. И это еще не все их худшие качества».

– Кто же ей по душе, этой деве болотной? – нахмурился Второй.

– А вот еще одна цитата... «Соединенные Штаты – это оплот человечества. Если бы они завоевали Россию, мы стали бы их штатом. И пусть пускают по нам ракеты, чем больше, тем лучше. Вспомните Хиросиму с Нагасаки, а потом посмотрите, какая из Японии получилась конфетка».

Пока Чацкий читал, его лицо успело принять такое скорбное выражение, словно он присутствовал при чьих-то похоронах. Антонов же только подавил зевок. Он, как человек дела, знал цену пустословии. Болтовня спятившей русофобки его не задевала. Собака лает, караван идет.

Похоже, Второй придерживался такого же мнения.

– И что же, – пробормотал он, насупившись, – вы предлагаете казнить Темногорскую за ее убеждения?

Чацкий посмотрел ему в глаза.

– Кажется, вы забываете, – отчеканил он, – что она приютила у себя террориста. Ее взгляды и его методы представляют собой гремучую смесь. А если к этому прибавить род занятий покойного отца Темногорской... Он был ведущий физик-ядерщик, не забывайте. И он мог оставить в наследство дочери не только деньги.

Сонливость с Антонова как рукой сняло, он встрепенулся. И действительно, что забыл террорист Шамиль в болотах под Питером? Ведь не просто так он навещал Темногорскую? Что-то ему от нее понадобилось, и это явно не ее согласие расстаться со своей застарелой девственностью. Какие-нибудь секреты из области атомного оружия? Черт, очень может быть!

– Скажите, товарищ генерал, – обратился Антонов к Чацкому, – слежка за усадьбой ведется? Их разговоры прослушивают?

– Увы, нет. Как я уже отметил, местность труднодоступная, почти непроходимая. Есть несколько тропок, но по ним тоже вплотную не подобраться. Темногорская держит при себе кучу охранников, которые по документам числятся егерями. Имеют право на ношение оружия, а незнакомца запросто могут принять за браконьера или беглого зэка. Ситуация понятна?

– В общих чертах, – подтвердил Антонов.

Второй молча кивнул.

– В таком случае разрешите откланяться. – Генерал Чацкий встал, приложив немалые усилия для того, чтобы отодвинуть тяжелое полукресло с подлокотниками. – Все необходимые сведения в папке. – Он протянул руку Второму. – Когда что-нибудь надумаете, связывайтесь со мной в любое время дня и ночи. Желаю здравствовать.

Изобразив нечто вроде общего полупоклона, Чацкий покинул помещение. Прodelал он это с неописуемым достоинством. Сразу чувствовалось, что вся его карьера создавалась в кабинетах.

* * *

Когда дверь за Чацким затворилась, Антонов посмотрел в глаза Второму:

– Насколько я понял, мне предстоит командировка в Ленинградскую область?

Второй ответил ему долгим, непроницаемым взглядом.

– А сам-то ты как думаешь? – спросил он.

Антонов терпеть не мог, когда ему отвечали вопросом на вопрос, а потому предпочел хранить молчание. Тем не менее было совершенно очевидно, что для удаления этого нарыва без хирургического вмешательства не обойтись. Тандем проамериканской миллионерши и чеченского террориста представлял собой несомненную угрозу.

– Ты не ответил, – произнес Второй, и голос его приобрел неприятную скрипучую тональность.

Неповоротливый, белоснежно-седой, с выцветшими голубыми глазами и глубокими морщинами, прочертившими бульдожьих щеки, он смахивал на Жана Габена в роли полицейского инспектора. На нем был один из его неизменно тусклых костюмов, а галстук он затянул так, что тот грозил перерезать его складчатую с пергаментной кожей шею. Расправив квадратные плечи, Второй ожидал ответа.

– Я думаю, что очень скоро мне предстоит бродить по болотам, – произнес Антонов. – Не то, если не вмешаться вовремя, эта парочка сконструирует атомную бомбу. Вот только почему бы вам не задействовать своих людей? В СМРТ есть неплохие кадры. С моими орлами им, конечно, не сравниться, но...

– Все мои лучшие кадры в настоящий момент брошены в Сочи, где кое-кому вздумалось заварить кровавую кашу, – ответил Второй. – Так что я подумал-подумал и позвонил твоему начальству, чтобы согласовать твое участие в непосредственных операциях.

Нельзя сказать, что Антонов почувствовал себя на седьмом небе от счастья.

– А Чацкий и его люди? – осведомился он.

– Чацкий, как обычно, перестраховывается, – буркнул Второй. – Знаешь, как тот генерал из анекдота... Пока все хорошо, докладывает: «Я изучил обстановку, я принял решение, я приказал атаковать противника». А когда ему всыпали, заводит другую песню: «Мы не предусмотрели, нас отбросили». – Второй пренебрежительно фыркнул. – В случае неудачи Чацкий переведет стрелки на нас. Ну а за лаврами первым побежит, никого с собой не позовет. Так уже бывало, и не раз.

– Тогда, – сказал Антонов, – может быть, не стоит подпрыгаться?

– И оставить сладкую парочку на свободе? Шамиль не зря отирается вокруг этой болотной девы. Что-то они затевают, но что? Это нам и предстоит выяснить. Тебе.

Указательный палец Второго нацелился в грудь Антонова. Вместо того чтобы испытать гордость за оказываемое доверие, тот представил себе вонючую трясиину, над которой вьются тучи гнуса.

– Не разумней ли послать туда группу спецназа ВДВ? – спросил он.

– А если Шамиль уйдет? Или уже ушел? Что мы предъявим Темногорской? Обвинения в непатриотичности? Знаешь, как оппозиция взвывает, если там все чисто?

– И все равно, – проворчал Антонов, – не нравится мне все это.

Переубеждать его было незачем, и Второй этого делать не стал. Он знал, что Антонов в любом случае выполнит приказ, каким бы этот приказ ни был. Он знал о подполковнике ВДВ буквально все, начиная от особых примет и заканчивая тайными пристрастиями.

В свои сорок лет Антонов находился в идеальной физической форме. При росте 183 сантиметра он весил 84 килограмма, оставаясь поджарым и подвижным. Женщины, которые попадали под обаяние Антонова, а потом и под него самого, обязательно интересовались, откуда у него рваный шрам на ягодице и что означает череп в десантном берете, выколотый на его плече. Внятного ответа они не получали, но Второй был в курсе, что задницу подполковнику едва не отгрыз натравленный на него питбультерьер, а татуировка выдает принадлежность к тайному братству самых крутых офицеров ВДВ.

Второго это не удивляло. Он не сомневался, что подполковник обладает незаурядными умственными способностями, хотя способности эти, увы, зачастую использовались не по назначению. Читал Антонов исключительно мужские журналы и специальную литературу, черпая там сведения о всевозможных технических новинках, транспортных средствах и оружии. Будучи превосходным тактиком, он оставался весьма посредственным стратегом и слишком много внимания уделял противоположному полу, что делало его уязвимым. Одним словом, Второй видел в Антонове идеального бойца-одиночку, а потому решил воспользоваться его услугами.

Делая вид, что забыл о присутствии постороннего, Второй погрузился в изучение содержимого папки, оставленной Чацким. Некоторое время подполковник крепился, а потом задал пару вопросов и как-то незаметно переместился за спину генерала, заглядывая ему через плечо. По мере того как листались страницы, оба обменивались репликами, становившимися все более оживленными.

Они внимательно прочитали биографию покойного профессора Темногорского, который, оказывается, покинул «Госэнергоатом» не по своей воле, а получив пинок под зад за финансовые махинации и едва избежав тюремного срока. Этим отчасти объяснялись патологическая ненависть семейства Темногорских к государству российскому и происхождение многомиллионного состояния.

Потом дело дошло непосредственно до пятидесятилетней девицы Беллы Борисовны, ее усадьбы и тамошних обитателей.

– Повар, водитель, егеря, сторожа, – бормотал под нос увлеченный Второй. – Командует ими некто Лось, который, по-видимому, соответствует своему прозвищу. Не-ет, не напрасно ты содержишь целую личную гвардию, не напрасно...

Приговаривая это, он машинально постукивал пальцем по носу портрета Темногорской, словно беседуя с ней. Ее крупно отпечатанная физиономия едва умещалась на странице и была изображена почти в натуральную величину.

Губы в сравнении с глазами казались неправдоподобно большими, хотя желания лобзать их не вызывали, как раз наоборот. Голова, расширяющаяся книзу, напоминала по форме грушу, сверху ее венчала шевелюра, похожая на норковую шапку с вылезшим на макушке мехом. Однако ничего комичного во внешности этой толстой дамы не было. Линия ее рта, тяжелая нижняя челюсть, носогубные складки и надменный взгляд с прищуром выдавали в ней натуру целеустремленную, властную, жестокую. Было ясно, что она непрошибаема, как истукан, и одержима, как тысяча фанатиков. Становиться у нее на пути было все равно что преграждать путь носорогу.

После лицемерия этой пугающей особы мужчины с особенным удовольствием раскрыли страницу, посвященную умопомрачительно хорошенькой девушке по имени Павлина. Светлые волосы обрамляли ее личико, как золотая парча, ореховые глаза смотрели прямо и немного удивленно, губы, слегка подкрашенные коралловой помадой, вызвали ассоциации с цветочными лепестками.

Не удержавшись, Антонов присвистнул. Второй повернул голову, смерив его уничтожающим взглядом, и зачитал вслух:

– Павлина Антоновна Хмель, приемная дочь профессора Темногорского. Родилась в девяностом, удочерена в две тысячи третьем. Угу, угу... Сирота, родители погибли в ходе спасательной операции на Дубровке... А! – воскликнул Второй, дочитав страницу до конца. – Теперь понятно, для чего она понадобилась Темногорскому, а потом его дочери. На девочку записано все их состояние. Профессор боялся, что его осудят и конфискуют имущество, вот и подсуетился. А у Беллы Борисовны тоже небось рыльце в пушку. Девочка долгое время служила ей ходячим сейфом. – Оторвавшись от чтения, Второй обернулся к Антонову. – Около года назад Павлина переписала все на имя Темногорской. Но та ее от себя не отпускает. Держит на коротком поводке.

– Зачем? – спросил Антонов.

– Кто ее знает... Может, привязалась.

– Черта с два! Такие ни к кому не привязываются.

– Значит, она просто не доверяет Павлине, – рассудил Второй. – Наверное, девочка слишком много знает. По существу, она находится под домашним арестом. Училась дома, друзей и подруг сроду не имела, на людях появляется только в компании Темногорской, Лося или других охранников. Пленница. И, скорее всего, еще одна девственница.

Второй закрыл папку и отодвинул ее от себя, а потом сделал то, что ему уже давно хотелось сделать: достал сигарету и закурил. Антонов поспешил вернуться на свое место. Его ноздри дрогнули и сузились. Бросив курить, он оставался равнодушен к табачному дыму, и когда делалось невмочь, сосал леденцы на палочке. Второй был осведомлен об этой слабости Антонова, а потому старался не курить в его присутствии. Но сегодня сдержаться не получилось. Очень уж необычное дело вырисовывалось.

– Можешь открыть окно, – сказал Второй, гася докуренную до середины сигарету, а когда Антонов снова сел, сказал: – Я решил оказать Чацкому содействие. Точнее, взять инициативу на себя. Эта Темногорская крайне опасна. Она психически нездорова и готова идти к своей цели по трупам. Вот для чего ей понадобился Шамиль – расчищать дорогу.

– Знать бы еще, что у нее за цель, – пробормотал Антонов.

– Не сложно догадаться.

– Да?

Бросив на подполковника недоверчивый взгляд, Второй поинтересовался:

– Ты что, не обратил внимание, с кем якшалась Темногорская в последнее время?

– Вы слишком быстро листали...

– М-да. – Второй опустил глаза. – В общем, на протяжении последнего года она неоднократно посещала американское посольство, где, как сам понимаешь, церэушник на церэушнике сидит и церэушником погоняет. Так что защита от прослушивания там на высочайшем уровне. Удалось расшифровать лишь несколько отдельных слов. Одно из них – аванс. Оно звучало трижды. А неделю назад на банковский счет Темногорской было перечислено десять миллионов.

– Тот самый аванс, – задумчиво пробормотал Антонов. – За что?

– Это нам и предстоит выяснить.

– Не совсем мой профиль.

– Ничего, справишься, – сказал Второй. – Войдешь в доверие и разузнаешь.

– Но каким образом? – воскликнул Антонов.

– Легенду мы тебе соорудим. Будешь наемным киллером. Судя по окружению Темногорской, такие люди ей нужны.

– А если она меня к себе не подпустит?

– Ты сам приблизишься.

– Это как?

Порывшись в папке, Второй отыскал нужную страницу, просмотрел ее и накрыл растопыренной пятерней.

– Два раза в год, – сказал он, – Темногорская посещает какую-нибудь премьеру в Мариинском театре. – Взглянув на подчиненного, Второй счел нужным уточнить: – Это в Санкт-Петербурге.

– Так, – наморщил лоб Антонов. – И что?

– А то, что очередная премьера состоится в конце этой недели. Ложа уже заказана. На троих.

– Темногорская, Павлина и еще кто-то...

– Правильно мыслишь.

– Неужели третьим будет Шамиль?

– Не думаю, что он обнаглел настолько, чтобы выходить в свет.

– Тогда Лось.

– Скорее всего, – согласился Второй. – И еще одна очень важная деталь. В театре Темногорская всегда появляется в бриллиантовом колье восемнадцатого века. Когда-то оно принадлежало Екатерине Великой и несколько лет назад ушло с молотка в «Сотбис» за два миллиона швейцарских франков. До недавних пор покупатель был неизвестен, сообщалось лишь, что это «дама из благородного семейства». Но парни из ФСБ прояснили ситуацию.

– Нам это что-то дает? – спросил Антонов.

– Сейчас узнаешь, – пообещал Второй. – Вот что я придумал...

Он заговорил, и, по мере того, как подполковник вникал в суть, его губы расплывались во все более и более широкой ухмылке.

4. Сатана там правит бал

Если не считать редких случаев, когда Антонову доводилось навещать театры по долгу службы, он эти храмы Мельпомены вниманием не жаловал. В последний раз он побывал в театре в 2008 году, когда грузинская банда попыталась устроить что-то вроде нового «Норд-оста», чтобы поквитаться за Цхинвал. До этого была постановка «Евгения Онегина» в Большом, где появление Антонова совпало (случайно, разумеется) со скоропостижной кончиной посла одного не слишком дружественного государства, совмещавшего дипломатическую деятельность с диверсионной. Оперу Антонов вспоминал с содроганием. Обилие странно одетых и еще более странно ведущих себя людей, поющих какую-то неразборчивую тарабарщину, действовало на него угнетающе. Он ничего не имел против музыки Чайковского, пока не начинали звучать арии, о содержании которых можно было судить лишь по специальным программкам. У Антонова такой не было, а зал он покинул с глубоким убеждением, что зрители лишь прикидываются, будто получают удовольствие.

Перспектива снова попасть на оперу была не то чтобы пугающей, но удручающей. Посетить предстояло премьеру «Фауста» Гуно. Сказать, что Антонов был рад, значило бы нагло соврать. Впрочем, думать о будущем ему было некогда. Все дни, оставшиеся до встречи с Темногорской, были посвящены интенсивной подготовке. По существу, его рабочий день длился двенадцать часов.

Утро начиналось с совещаний у Второго, который гонял Антонова по эпизодам легенды, устраивал мозговые штурмы, либо просто делился соображениями, приходящими ему в голову. После этого подполковник посвящал не менее часа изучению атомной энергетики, отправлялся в спортзал, оттуда в бассейн, а затем слушал лекции по шпионажу, физиогномике, психологии и другим полезным дисциплинам. Среди учителей Антонова имелся даже один настоящий вор, и занятия под его руководством отнимали не менее четырех часов в день.

Изматывающие рабочие дни, как правило, завершались в лаборатории, где готовился комплект снаряжения для Антонова. Его снабдили современной подслушивающим устройством, универсальным детектором микрофонов и скрытых видеокамер, радиомаяком, а также кое-какими штучками, способными сохранить обладателю жизнь или помочь ему выбраться из затруднительного положения. Антонов терпеливо выслушивал пояснения и изучал инструкции, хотя по опыту знал, что ему вряд ли понадобится и фонарик с ослепляющим лучом, и хитрые очки ночного видения, в которых можно было смело прогуливаться по улице, не привлекая к себе внимания.

Куда заинтересованней Антонов был во время визитов к оружейнику центра, капитану Ворошилову, которого называли за глаза Ворошиловским Стрелком.

Антонов любил оружие и, подобно многим десантникам, верил, что оно наделено душой. Ему было приятно ощущать его весомость, брать в руку рифленую рукоятку пистолета, неспешно набивать магазин маслянисто поблескивающими патронами или разбирать его, вдыхая запах смазки и пороха.

За годы службы в ВДВ Антонов перепробовал множество пистолетов, начиная от отечественных моделей и заканчивая всякими «береттами» и «Глоками». Одно время он не расставался с «Вальтером» образца 99-го года, однако потом пожалел о своем выборе, потому что затвор пистолета имел обыкновение заедать в самый неподходящий момент.

Наконец Антонов остановил свой выбор на «Люгере», но, когда он явился с ним в подземный тир, Ворошиловский Стрелок поморщился:

– Что вы носите с этим старьем, товарищ подполковник? Почему бы вам не выбрать что-нибудь более современное?

– Это лучшая известная мне модель, – ответил Антонов таким тоном, словно была затронута честь его лучшего друга. – Удобная рукоятка, длинный ствол, высокая точность стрельбы, слабая отдача. Ну и скорострельность, что немаловажно.

– Зато спусковой крючок слишком замысловатый, – возразил Второй. – В перчатках не выстрелишь. И гильзы летят в лицо при стрельбе от бедра.

– Я не стреляю от бедра. Обычно я стреляю так... или так...

Говоря это, Антонов иллюстрировал свои слова действиями, выхватив из-под пиджака «Люгер» и ведя огонь по дальним мишеням. Глянувший в подзорную трубу Стрелок почесал затылок и сказал, что от дальнейших рекомендаций воздерживается, а просто предлагает Антонову появляться в тире, когда ему заблагорассудится, и пользоваться любым имеющимся здесь оружием.

Учитывая бюрократическую волокиту, сопровождающую выписку пропусков во владения Ворошиловского Стрелка, за подобное приглашение с радостью уцепился бы любой сотрудник АТЦ. С этого дня Антонов стал заглядывать в тир раза по три в день, пользуясь возможностью опробовать самое разное стрелковое оружие, начиная от дореволюционных револьверов и заканчивая портативными автоматами. Патроны он приобретал за свой счет, причем щедро делился ими со Стрелком, так что чувство гостеприимства у того не иссякало.

Доводя до совершенства свою и без того безупречную стрельбу, Антонов не забывал приводить оружие в порядок, а уж собственный «Люгер» холил так, как не могла мечтать ни одна женщина на свете. Женщины не могли дать ему ничего, кроме хорошо знакомого и многократно испытанного удовольствия. От пистолета зависела его жизнь.

* * *

В день выезда Антонов проснулся в шесть утра. Настроение было приподнятым. Приняв горячую ванну, он облился холодной водой под душем, тщательно выбрил лицо и голову, оделся и сел завтракать, бегло просматривая статью о том, как определить темперамент женщины по ее парфюмерии. Он съел пару яиц в мешочек, умял два ломтя пшеничного хлеба с настоящим деревенским маслом, добавил к этому большой стакан ледяного молока и подсластил себе жизнь несколькими ложками майского меда.

Двадцать минут спустя подполковник уже вел свой «Порше» на север. Пиджак на соседнем сиденье прикрывал наплечную кобуру с пистолетом, на заднем сиденье покоилась сумка, превращенная стараниями технических кудесников АТЦ в расширенный вариант цилиндра иллюзиониста. Из динамиков звучали какие-то песни, но мысли Антонова были заняты Темногорской и ее связью с Шамилем.

Федеральная трасса М10, соединяющая Москву и Санкт-Петербург, была забита разнокалиберными фурами. К тому же за три века она обросла множеством придорожных городов и деревень, так что ехать приходилось через населенные пункты с неизбежными притормаживаниями и заторами. Местами дорога была столь узкой, что, случись на ней серьезная авария, пришлось бы проторчать в пробке несколько часов, и Антонов пожалел о том, что не выехал пораньше.

Потратив не менее полутора часов на то, чтобы протащиться через Вышний Волочок, Антонов стал с особым чувством взирать на дорожные работы по возведению платного автобана, тянувшегося параллельно трассе М10. Лишенный возможности разогнаться хотя бы до ста километров в час, он весь извелся, пока добрался до гостиницы «Астерия», где забронировал номер на сутки. Она выходила окнами на Фонтанку, и отсюда было рукой подать до Мариинского театра. Приведя себя в порядок и проглотив невкусный ужин, Антонов отправился «на дело».

* * *

Мариинку-2 подполковник принял сначала за торговый центр и прошел мимо и только позже выяснил, что это и есть тот самый знаменитый театр, куда он направлялся. Войдя внутрь, очутился в огромном фойе со стенами, при виде которых Антонову вспомнился съеденный утром мед. С потолка свисали длинные нити с хрустальными шариками, в которых преломлялся свет.

Люди, прохаживающиеся вдоль желтых стен фойе, гудели как растревоженные пчелы. По большей части это была почтенная (как принято говорить) публика, то есть публика преклонного возраста, хотя попадались молодые женщины, радовавшие глаз. Прогуливаясь у входа в центральную ложу, Антонов притворялся, будто страшно увлечен их созерцанием, что было предусмотрено сценарием. Это не помешало ему заметить появление Темногорской.

Голоса публики стали на тон выше, головы одновременно повернулись в одном направлении, и, проследив за направлением любопытных взглядов, Антонов увидел очень большую и очень толстую женщину, важнодвигающуюся ему навстречу. Это была Темногорская.

Никакие фотографии не могли передать то впечатление, которое она производила вблизи. Ее энергетическое поле было столь сильным, что, казалось, даже подвески на люстрах начали позванивать, как кусочки льда, там, где она проходила. А еще Антонов явственно услышал... нет, скорее, ощутил тяжелые шаги Темногорской, напоминающие размеренные удары в очень низко настроенный барабан: дум-м... дум-м... дум-м... Даже на расстоянии она излучала абсолютную и непоколебимую уверенность в себе. Будучи женщиной весьма крупных размеров, она обладала поистине чудовищным эго, ощущающимся на физическом плане.

Заставив себя оторвать глаза от ее сотрясающегося при ходьбе лица, Антонов перевел взгляд на кольцо, представляющее собой серебряную ленту, усыпанную бриллиантами. Да, это была та самая цацка Екатерины Второй, которую подполковник видел на фотографиях, сделанных в Алмазном фонде России до того, как кольцо мистическим образом перенеслось в хранилище лондонского аукциона. Теперь оно должно было стать чем-то вроде волшебного ключа, открывающего доступ к Темногорской, поэтому Антонов долго смотрел на него. Когда она остановилась и повернулась спиной, заговорив с кем-то, он увидел бриллиантовый бант, прикрывающий застежку.

Решив, что вряд ли это кольцо когда-либо украшало или украсит более уродливую шею, подполковник посмотрел на спутницу Темногорской. На ее фоне Павлина выглядела не просто красивой и стройной девушкой, а юной богиней, не слишком отчетливо понимающей, что она делает в столь странном окружении. Ее длинное белое платье показалось бы более уместным где-нибудь на небесах, среди эфирных созданий в воздушных одеяниях, а волосы, заколотые на макушке, придавали ей скульптурное изящество.

Опытный глаз Антонова отметил, что девушка чувствует себя не в своей тарелке, напряжена и сильно нервничает, хотя старается не подавать виду. Тем не менее это не портило ее красоту, а придавало ей что-то еще более чарующее, хрупкое, чуточку страдальческое. Павлину хотелось обнять и защищать от опасностей, причем, перехватив ее блуждающий взгляд, Антонов почувствовал, что готов сделать это немедленно.

«Утомись», – сказал себе он, сосредоточив внимание на третьем персонаже, рослом детине, сопровождавшем обеих дам. Держался он поодаль, на самом заднем плане, словно не желая бросать зловещую тень на своих подопечных. Костюм сидел на нем нелепо, но не по причине скверного покроя, а оттого, что мужчины подобного сорта не созданы для костюмов. Его правый глаз был налит кровью и оттянут вниз, как у сенбернара, из-за старого шрама, затронувшего нижнее веко. В нем невозможно было не узнать Лося.

Проводив дам до дверей ложи, он направился к выходу. Должно быть, сердобольная хозяйка избавила его от мучительной обязанности слушать оперу. Оставалось только порадоваться этому обстоятельству, потому что присутствие Лося могло бы здорово осложнить задачу Антонова. Она и без того представлялась ему очень трудной, несмотря на серию тренировок, проводившихся под руководством легендарного вора-карманника Шестипалого.

Тренировки проходили в специальном помещении, заставленном манекенами, одетыми в самые разные наряды. Бродя среди них, Антонов отрабатывал те несколько классических приемов, которым обучил его Шестипалый. Виртуозной ловкости, подобной той, которую демонстрируют карманники, карточные шулера и эстрадные фокусники, Антонов не достиг, хотя элементарные действия он освоил. Его пальцы приобрели необходимую гибкость, он научился «ставить ширму», «притираться», «скользить» и «делать зажим».

Чтобы набраться опыта и, главное, нахальства, без которого щипачу не обойтись, Антонов даже совершил пару вылазок в супермаркет, где увел бумажник и пластиковую карту – разумеется, вернув их владельцам как утерянные. «Работать» ему было сложнее, чем рядовому карманнику, которого прикрывает целая шайка, зато и результатов он добился быстрее, потому что мог рассчитывать только на себя самого. Как, впрочем, почти всегда.

Но этим вечером, в ярко освещенном театре, среди большого скопления народа Антонов вдруг испытал приступ неуверенности. А вдруг он попадется на горячем? Вдруг кто-нибудь выдаст его полиции? Тюремный срок подполковнику не грозил, но провал означал бы, что тщательно продуманный план пошел насмарку. Он не мог этого допустить, а потому волновался все сильнее и сильнее. Заняв свое место в зрительном зале, он подумал, что биение его сердца слышно окружающим, особенно, когда погас свет и все затаили дыхание.

А потом грянула увертюра, занавес открылся, на сцене запели, и мандраж как отрезало. Если я вынесу это, то мне уже ничего не страшно, решил Антонов.

* * *

Изогнутая подковой сцена была не просто велика, она выглядела огромной, но и народу там собралось немало, причем все подпрыгивали, пританцовывали, перебегали с места на место и старались выделиться на общем фоне. Акустика была великолепной, давая возможность расслышать каждую ноту, что не слишком радовало Антонова. Он знал, что предстоят целых три антракта, и вначале намеревался дожидаться конца, но очень скоро изменил решение. Чинно отсидеть все пять актов было выше его сил.

Он понял это, когда Мефистофель, одетый в черный плащ с красной подкладкой, зачем-то забрался на сундук, а собравшаяся вокруг толпа приплясывала вокруг, пока какой-то бородастый толстяк голосил: «Не угодно ль будет вам с нами вы-ы-пить вина?» Услышав про вино, Мефистофель тут же спрыгнул на пол, завладел протянутой кружкой, как следует угостился и начал предрекать собравшимся всякие несчастья. Народ разбежался, и появился завитой, напудренный Фауст с неприятным и громким голосом, который не умолкал до самого антракта.

Поспешно покинув зал, Антонов поднялся к центральной ложе, полностью выкупленной Темногорской. В левой руке он держал «Петербургский театральный журнал», который должен был сыграть немаловажную роль в предстоящей акции.

Галерея уже заполнялась прогуливающимися людьми, которые оживленно делились впечатлениями от увиденного и услышанного. Антонов спросил себя, что станет делать, если вдруг Темногорская останется на своем месте, но, к счастью, этого не произошло. Она слишком любила внимание к своей особе, чтобы отсиживаться вдали от людских глаз.

Само собой, ее сопровождала Павлина, украдкой бросающая взоры по сторонам. Если она действительно хранила невинность, то это начало ей надоедать.

Стараясь оставаться незамеченным, Антонов двинулся за своей жертвой и ее сводной сестрой. Шестипалый учил его, что воровской фарт зависит от правильно выбранного момента, и сейчас подполковник понимал это лучше, чем когда-либо. Не выделяясь из толпы, он постепенно приближался к Темногорской со спины.

Ей оставалось сделать несколько шагов, чтобы оказаться напротив лестницы, где смешавшиеся людские потоки образовывали столпотворение. Антонов осторожно пошел на сближение. Темногорская как раз затеяла оживленную беседу с каким-то старичком, румяным, точно покойник, обработанный перестаравшимся бальзамировщиком. Павлина шла чуть впереди, изредка из вежливости оборачиваясь.

Антонов пристроился прямо за широкой спиной Темногорской, рассчитывая свои шаги так, чтобы не подходить вплотную, но и другим не позволить опередить себя. Их со всех сторон окружали люди, дожидавшиеся звонка. Медлить было нельзя. Расстояние между Антоновым и Темногорской сократилось до полуметра. Он отчетливо ощущал аромат ее дорогих духов, думая, что так могло бы пахнуть в древней гробнице, орошенной благовониями.

До колье было буквально рукой подать. Копию этого знаменитого украшения Антонов самым тщательным образом изучил в Алмазном фонде. К его удовольствию, колье надевалось не на голую шею, а на специальную полоску ткани, имитирующую ошейник рабыни, что в восемнадцатом веке символизировало покорность избраннику сердца. Вряд ли Темногорская догадывалась об этом, иначе ее свободолюбивая натура воспротивилась подобному кощунству.

Антонов набрал полную грудь воздуха и перестал дышать, постепенно поднимая руку на уровень груди. Между средним и указательным пальцами была зажата острая деревянная зубочистка.

Застежка колье пряталась под декоративным бантом из бриллиантов на затылке Темногорской и представляла собой миниатюрный замочек, открывающийся при нажатии на специальный рычажок. Прежде чем добраться до него, нужно было приподнять бант, и Антонов проделал это, затратив на действие какие-то доли секунды!

Его глаза приобрели способность смотреть одновременно в разные стороны, как у птицы или насекомого, когда он пустил в ход зубочистку, чтобы разомкнуть дужку застежки.

Журнал в левой руке Антонова был предусмотрительно раскрыт и находился на уровне его поясницы.

Замочек расстегнулся. Подполковник сделал широкий шаг, начал обгонять Темногорскую и, толкнув ее в плечо, виновато охнул. В тот самый момент, когда она повернула голову, колье соскользнуло с ее жирной шеи и упало прямо на подставленный журнал. Чтобы закрыть его, хватило мгновения. Не глядя на Темногорскую и Павлину, Антонов быстро прошел вперед и скрылся в толпе.

Прозвенел звонок. Поднялась небольшая суматоха, люди ринулись в зал, словно втайне опасались, что их зрительские места могут быть заняты. Подполковник, удивляясь, что сумел проделать задуманное и что никто не схватил его за руку, развернулся на 180 градусов и устремился в обратном направлении. На ходу он выбросил журнал в урну, сломал дужку декоративного замочка и стиснул колье в кулаке.

Темногорская и Павлина уже были готовы скрыться за дверью своей ложи, когда Антонов догнал их и окликнул:

– Простите!

Если старшая дама даже не удостоила его взгляда, то младшая обернулась и с любопытством уставилась на Антонова. Ее коричневые глаза излучали тепло.

– Простите, – повторил подполковник и, преодолевая отвращение, тронул Темногорскую за влажное плечо, напоминающее на ощупь сырое тесто.

Она обернулась одновременно со вторым звонком.

– Что вам угодно, сударь?

«Сударь? – удивился Антонов. – Ах, да, мы ведь находимся в высшем свете».

Не произнеся ни слова, он поднял руку и качнул свисающее кольцо из стороны в сторону. Бриллианты засияли, отбрасывая радужные блики на физиономию потрясенной Темногорской.

– Как? – просипела она, схватившись за шею. – Откуда?

– Вы обронили, сударыня, – учтиво пояснил Антонов. – Похоже, застежка сломалась.

– Ах! – Темногорская обхватила шею уже не одной, а двумя руками.

– Большое вам спасибо, – сказала Павлина, глядя Антонову в глаза и улыбаясь.

– Да! – опомнилась Темногорская и сцапала кольцо с проворством сороки. – Спасибо!

– Наверное, дорогая побрякушка? – спросил подполковник, чтобы завязать разговор.

Прозвучал третий звонок. Коридор опустел. Темногорская нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

– Побрякушка? – усмехнулась она. – Этой вещице цены нет, молодой человек.

– Правда? – Антонов сделал вид, что слегка опечалился. Это должно было напомнить толстухе, какая огромная услуга ей оказана.

– Даже не знаем, как вас благодарить, – сказала Павлина, глядя на Антонова снизу вверх своими лучистыми глазами.

Ее голос ласкал слух, как журчание лесного ручейка или щебет птиц на рассвете, но Темногорская нахмурилась.

– Почему же не знаем, знаем, – произнесла она, поправляя очки уверенным, мужским жестом. – Приглашаем вас досмотреть оперу из нашей ложи. Когда-то такие назывались царскими.

Антонов не заставил упрашивать себя дважды. Пропустив дам вперед, он очутился в просторном помещении, обитом буковыми панелями и обтянутом кожей.

«Сатана там правит бал», – надрывались на сцене, но подполковник не особенно прислушивался, потому что теперь у него появилось занятие поинтереснее: незаметно вглядываться в профиль Павлины и пытаться определить составляющие ее дразнящих духов. Один или два раза она покосилась на него, после чего ее ушко, обращенное к Антонову, заметно порозовело.

Тревожная музыка как нельзя лучше соответствовала этой почти детской игре в гляделки.

Сатана там правит ба-а-ал, там правит бал! Сатана там правит ба-а-ал, там правит бал!

Темногорская даже сняла очки и поднесла бинокль к подслеповатым глазам, словно надеясь увидеть героев куплетов, а когда бас пропел про то, что люди гибнут за металл, многозначительно взглянула на Антонова и качнула головой в сторону сцены, предлагая ему оценить всю важность этих строк. Он поспешил принять глубокомысленный вид, и Темногорской это определенно понравилось.

Во время антракта она не поднялась с кресла, а повернулась к нему и представилась, предложив называть ее Беллой Борисовной.

– А это, – она сжала хрупкое плечо Павлины, – моя младшая сестра Павлина.

Родства между ними было не больше, чем между бородавчатой жабой и бархатистокрылой бабочкой, но Антонов с вежливым видом кивнул:

– Очень приятно. Я Константин. Константин Заслонов.

– Вы не похожи на театрала, – заметила Темногорская.

– А я и не театрала, – признался Антонов, – я человек военный. Просто надо было как-то время убить.

– И получается?

– Что?

– Убивать.

– По-моему, – сказал Антонов, – это единственное, что должны уметь военные.

– А вы в карман за словом не лезете, – оценила черный юмор собеседника Темногорская и улыбнулась одними губами. – Где же вы служите, Константин? Или это военная тайна?

– Служу там, где платят, Белла Борисовна. Но это неинтересная тема...

Антонов потупился, как человек, сожалеющий, что сболтнул лишнее.

– Почему же, почему же... – Она взглянула на него с новым интересом. – Возможно, мы к ней вернемся... очень скоро вернемся. Вы мне нравитесь, Константин. Хотя ваше бескорыстие вызывает у меня сомнение. Кто еще на вашем месте упустил бы возможность стать миллионером!

– Если бы я знал, – буркнул Антонов. – Решил, обычные стекляшки, для форса. А тут еще девушка симпатичная при вас. – Он указал подбородком на смутившуюся Павлину. – Вот, думаю, познакомлюсь и заодно дело хорошее сделаю.

– А вот это откровенно, – кивнула Темногорская. – И похоже на правду. Жалеете, что вернули кольцо? – Не дождавшись ответа, она снисходительно усмехнулась. – Ничего, возможно, вам представится возможность наверстать упущенное. Вы ведь нуждаетесь в деньгах?

– А кто в них не нуждается?

– Например, я. – Темногорская повернулась к Павлине. – Дорогая, дай нашему гостю мою визитную карточку, пожалуйста.

Девушка открыла маленькую плоскую сумочку из белой кожи и протянула Антонову визитку.

– Можете навестить нас, – продолжала Темногорская, меряя Антонова испытующим взглядом. – Мы живем в глуши, но у нас не бывает скучно, уверяю вас. Это на границе Лужского и Гатчинского районов. Там расположено мое родовое гнездо. – Толстые губы Темногорской растянулись в самодовольной улыбке. – На обороте карточки чертеж, который поможет вам найти поместье. Только постарайтесь не откладывать поездку в долгий ящик. Очень скоро мне будет не до вас.

– Да я хоть завтра, – сказал Антонов, изображая человека, который хватается за любую возможность поправить свои дела, хотя стесняется прямо сказать об этом.

Взгляд Павлины затуманился, словно ее огорчили его слова.

Темногорская кивнула:

– Прекрасно. Нам будет что обсудить. Вам ведь нужна работа по специальности, верно?

Антонов вскинул брови и выпучил глаза:

– Как вы догадались?

– Знание человеческой психологии, Константин. У вас глаза голодного волка.

– Голодного и одинокого, – вставила Павлина.

Поморщившись, Темногорская села так, чтобы заслонить ее своим корпусом, что не составило труда.

– Чем вы занимались в последнее время, Константин? – поинтересовалась она, не находя нужным понизить голос, хотя на сцене началось новое действие.

Антонов выдержал паузу, давая понять, что колеблется.

– Выполнял разного рода поручения, – ответил он. – Я ведь в отставке. Работаю... э-э, наемником.

– Об этом я догадалась. – Темногорская сделала значительную мину. – Мой опыт позволяет читать мысли людей, как открытую книгу.

Не поднимая глаз, Антонов прикусил губу и протянул этой самовлюбленной дуре ее визитку:

– Вот, возьмите. Думаю, после моего признания она мне не понадобится. Наверное, вы уже пожалели о своем опрометчивом приглашении.

– Отнюдь, отнюдь. – Темногорская отвела его руку. – В наше время каждый зарабатывает, как может. Слишком щепетильные вымирают или уже вымерли. У вас опасная профессия, вы должны ею гордиться.

Антонов вздохнул.

– Тут пели, что люди гибнут за металл. Это правда, но не вся. Гораздо чаще люди гибнут от металла.

Темногорская разразилась гулким хохотом, не обращая внимания на головы, повернувшиеся к ней из зрительного зала.

– Хорошо сказано, Константин. Чувствую, что мне будет приятно познакомиться с вами поближе. – Она уставилась на сцену. – А теперь давайте помолчим. Это моя любимая опера. В ней столько страсти, столько экспрессии.

Антонов и Павлина посмотрели друг на друга поверх ее сгорбленной спины. Она смотрела на него с сочувствием. Антонов неопределенно улыбнулся, встал и откланялся.

Больше ему в театре было делать нечего. Он хотел побыть в тишине, чтобы спокойно изучить спутниковые карты Мшанских болот, где ему предстояло провести несколько дней. Или сложить там голову, чтобы навсегда сгинуть среди торфяников.

Он вышел за дверь. Темногорская даже не оглянулась.

5. В болотном логове

Езды было километров сто, поэтому Антонов никуда не торопился. Проснувшись около девяти утра, он бесцельно побродил по городу, осмотрел Петропавловскую крепость и «Аврору», а потом пообедал в одном из ресторанов с видом на Неву, не позволив себе выпить ничего крепче минеральной воды.

Вернувшись в номер, он еще раз ознакомился с местностью, где обосновалась Белла Борисовна Темногорская. Площадь Мшанских болот занимала 60 тысяч гектаров, ее границами служили две речушки, дорога вела туда одна – сначала прямая, асфальтовая, а потом грунтовая, петляющая между деревушками. Туристы, браконьеры и «черные» лесорубы проложили вокруг немало троп, но близко к поместью не подходили, опасаясь охранников Темногорской. Все они числились егерями принадлежащего ей туристического центра, так что носили оружие на законных основаниях и, как гласила народная молва, пускали его в ход не задумываясь.

Проведя около получаса над спутниковой картой заказника, Антонов тщательно побрился, собрал нехитрый скарб, выписался из гостиницы и отправился в путь-дорогу.

Путешествие прошло без приключений. Около пяти вечера Антонов остановился в деревне Дружная горка, откуда до поместья оставалось «семь верст с гаком», как пояснила словоохотливая бабенка, вынесшая ему молока.

– Хорошо тут у вас, – одобрил Антонов, облизывая молочные усы и озираясь. – Спокойно, тихо.

– Ага, тихо. Когда не стреляют.

– Разве здесь охотиться не запрещено?

– Запрещено, – подтвердила бабенка. – Смотря на кого.

Взглянув на нее, Антонов протянул ей сто рублей.

– А помельче бумажки не найдется? – Она спрятала руки за спину. – У меня сдачи нет.

– А вы так берите. Сдачи не надо. Так на кого тут охотятся?

Мало-помалу Антонову удалось вытянуть из собеседницы если не всю правду, то полуправду, обильно сдобренную туманными намеками и оговорками. Сведения про воинственность егерей Темногорской подтвердились. К примеру, в прошлом году они поколотили дубинками (конечно, речь шла о бейсбольных битах) мужиков из соседнего садоводства, взявшихся валить лес вблизи от территории усадьбы. Егеря перехватили горе-лесорубов на единственной дороге, когда те вывозили дрова, и переломали руки-ноги каждому, не пожалев даже пятнадцатилетнего парнишку. Вызванная полиция пригрозила пострадавшим посадить за незаконную порубку, на том дело и кончилось.

– Много их, егерей-то? – поинтересовался Антонов, незаметно для себя подстраиваясь под деревенский говор.

– Да уж хватает, – мрачно поведала бабенка. – Вокруг помещицкого дома так и шастают, так и шастают. Отловят какого браконьера – и в болото. Еще ни один своим ходом не возвращался. Кто побогаче – иномарками откупаются, а бедным конец один.

Решив, что рассказчица преувеличивает, Антонов снова тронулся в путь, но в трех километрах от деревни остановился, чтобы сунуть пистолет под сиденье и переложить шпионское оборудование. Микрофончики на липучках, хранящиеся в специальном контейнере, он переложил в маленький кармашек джинсов. Свой ноутбук, оснащенный программами прослушивания и распознавания, закрыл на секретную защелку, которая открывалась лишь при соприкосновении с папиллярными линиями его указательного пальца. Мобильник на всякий случай очистил от подозрительных звонков и сообщений. Запасные обоймы и кое-какие дополнитель-

ные приспособления оставил в сумке, предварительно упаковав их в мешочек из сверхпрочной ткани, затянутый на самый хитрый из всех придуманных морских узлов.

Проехав еще около полутора километров, Антонов снова остановился, загнал «Порше» на просеку, прихватил бинокль и пошел прогуляться пешком, чтобы, если получится, понаблюдать за усадьбой со стороны.

Лес был невысокий и не очень густой, идти по нему было одно удовольствие. Но стоило Антонову включить электронный компас на мобильнике и свернуть с тропинки, как под ногами захлюпало, и он поспешил взобраться на высокую насыпь, поверх которой так и не проложили железнодорожную колею.

Справа от себя он увидел два пологих холма, чуть возвышающихся над кронами берез, осин и елей. Справедливо рассудив, что на одном из них и должна находиться усадьба, Антонов двинулся в том направлении.

Оказалось, что сюда можно было доехать и на машине, но зачем оповещать о своем прибытии шумом мотора? Не слишком быстро, но зато незаметно подполковник добрался до ближнего холма, поднялся на него и, стоя по колено в траве, увидел перед собой двухэтажное желтое здание с колоннами и парой каменных львов, охраняющих ступени.

Уже смеркалось, но Антонов уже выяснил, что в эту пору здесь начинаются белые ночи, так что темноты можно не опасаться. Сумеркам так и суждено было остаться сумерками, хотя в некоторых окнах усадьбы уже зажегся свет. Совсем рядом орала дурным голосом какая-то потревоженная птица, в воздухе звенели комары, но эти мелочи не могли помешать разведке.

Поднеся к глазам бинокль и регулируя резкость, Антонов проследил за подъездной дорогой, выписывающей замысловато изогнутую букву «S» в низине между холмами. Судя по редколесью вокруг дороги, она пролегла через болото, минуя особо топкие места.

Подполковник снова направил бинокль на жилище Темногорской. Оно находилось менее чем в километре по прямой и отчетливо вырисовывалось в окулярах. Ни собак, ни людей во дворе заметно не было, зато возле ступеней стоял большой квадратный внедорожник, похожий на черный грузовик без кузова.

Ворота, ведущие в усадьбу, были закрыты, а кирпичная стена, обтянутая по периметру колючей проволокой, выглядела внушительной и высокой. Возвели ее не так давно, и она отличалась от остальных построек веселой желто-розовой расцветкой. Стена не смущала Антонова, потому что он был приглашен в поместье и необходимости пробираться туда незаметно не было.

Он опустил бинокль, собираясь отправиться в обратный путь, когда почувствовал чье-то присутствие. Кто-то был рядом.

Антонов вскинул голову, озираясь, и увидел продолговатый крутящийся предмет, стремительно приближающийся к нему по воздуху. Предмет летел прямо в лицо и так быстро, что подполковник не успел защититься. Он сумел лишь наполовину поднять руку. Последовал сокрушительный удар в лоб, перед помутившимся взором мелькнуло негативное изображение леса, тело сделалось невесомым и пропало.

* * *

Первое, что он почувствовал, придя в себя, это запах бензина, такой резкий и чужеродный на свежем воздухе. Потом он понял, что его откуда-то вытаскивают и бросают, но, упав на мягкую землю, он не ударился. Его несильно пнули под ребра.

— Твоя тачка? — донесся до его ушей голос.

Голова раскалывалась от боли, но Антонов заставил себя открыть глаза и увидел переплетение травы, в которой сновали муравьи. Упираясь ладонями в землю, он приподнялся и сел, развернувшись лицом в ту сторону, откуда прозвучал вопрос.

– Тачка твоя, спрашиваю? – повторил парень в пятнистом маскировочном одеянии, приклонившийся задом к кузову темно-зеленого «фордовского» пикапа.

Двое его спутников тоже носили камуфляж. Одним из них был Лось, и в его руке Антонов увидел свой мобильник. Второй держал опущенный стволом вниз карабин. Из-за пояса у него торчал самый настоящий бумеранг с замысловатым узором.

– Моя, – ответил Антонов, чувствуя, как звуки отдаются болезненным эхом в черепной коробке.

Покосившись на свой «Порше», он снова уставился на бумеранг. Вот, значит, чем его уложили. Лихо. До сих пор Антонову не доводилось слышать о российских охотниках, вооруженных бумерангами.

Проследив за направлением его взгляда, Лось ослабился. Зубы у него были белые, ровные, большие, как у лошади, если не считать двух кривых верхних клыков.

– Понравилось, щегол? – спросил он насмешливо. – Реальная вещь. Из Австралии. – В его голосе прозвучали хвастливые нотки. – Если бы я в тебя бумерангом попал, ты бы сразу копыта отбросил. Гляди...

Лось распахнул пятнистую куртку, давая возможность полюбоваться его собственным бумерангом. При этом он продолжал скалиться, что выглядело жутковато в сочетании с его круглым воспаленным глазом. На плече у него висели два бинокля, один из которых принадлежал Антонову.

– Мы этими штуковинами всю шушеру отсюда отвадили, – подал голос мужик с карабином. Брови у него были мохнатые, кустистые, сросшиеся на переносице, а глаза под ними казались двумя черными жучками, поблескивающими в зарослях.

– Но новым гостям всегда рады, – продолжил тот парень, который интересовался машиной Антонова.

– Где твое ружье, щегол? – спросил Лось, переставая улыбаться.

– Нет у меня ружья, – покачал головой Антонов, не спеша подниматься на ноги.

Он провел ладонью по лбу и не увидел крови. Но голова все еще кружилась. Нужно было прийти в себя.

– С чем же ты на охоту пошел? – удивился молодой.

– С хером, – подсказал бровастый, но никто не засмеялся.

– Короче, – распорядился Лось, – показываешь, где ружьишко спрятал, выписываешь доверенность на «порш», выворачиваешь карманы и живешь дальше. Такой у нас здесь с браконьерами разговор. Короткий.

– Я не браконьер, – сказал Антонов.

– Ври больше, – хмыкнул бровастый.

– Если не браконьер, – рассудил Лось, – тогда чей-то шпик или журналюга. Но нам без разницы. В заказник посторонним вход воспрещен, так что ты попал. Машина конфискована. – Сунув руку в карман, он помахал в воздухе ключами. – Короче, пошевеливайся, иначе... – Мальчишеским жестом Лось показал кулак внушительных размеров. – Видал?

«Ты бы еще член напоказ выставил», – зло подумал Антонов. Проведя ладонями по карманам, он обнаружил, что бумажник пропал. Но «жучки» мародеры не нашли – под тканью джинсов угадывались маленькие пупырышки. Машину тоже пока обыскать не успели. Уже хорошо. Если в подобной ситуации может быть что-то хорошее.

– Что скажешь? – поторопил Антонова Лось.

Был он очень высок, сложен как Геркулес и явно гордился своей силой. А жуткий шрам под глазом говорил, что это не какой-нибудь раскормленный качок из спортзала, а реальный боец, который подраться умеет и любит. «Такой своим кулачищем не только рожу расквасит, а башку отшибет, – прикинул Антонов. – Надо попытаться уладить дело миром».

– Мобильник верни, – сказал он и поморщился от звука собственного голоса.

– С какой радости? – опешил Лось.

– Твоей хозяйке позвоню. Я здесь по ее приглашению.

Парень возле пикапа и бровастый переглянулись. Физиономия Лося приняла озабоченное выражение, но идти на попятный он не собирался.

– Гонишь, – сказал он.

– А ты проверь, – предложил Антонов. – Я номер в адресную книгу ввел.

– Не понимаю, о чем ты толкуешь, щегол. – Лось медленно покачал головой. – Какой номер, какой мобильник? У тебя его не было. – Размахнувшись, он запустил телефон далеко в заросли, после чего победоносно улыбнулся. – Потерял, наверное, когда вокруг дома шастал?

В принципе, этого и следовало ожидать. Мужчины, столь откровенно бахвалящиеся своей силой, не упустят случая пустить ее в ход. Лосю нужны были не столько вещи Антонова, сколько повод избить его до полусмерти, а может, и более того.

Что ж, такой повод ему представился.

– Мудила ты, – с чувством произнес Антонов. – Рога чешутся? Так я их тебе поотшибаю.

На этот раз парень и бровастый мужчина обменялись не только взглядами, но и быстрыми улыбками.

– Чего-чего? – переспросил Лось, не веря своим ушам. Его поврежденный глаз разгорелся, как уголь в печке.

– Мудила, – повторил Антонов. – Мудак.

Сделав два размашистых скачка, Лось подскочил к нему, схватил за грудки и рывком вскинул на ноги. Воспользовавшись силой инерции, Антонов боднул его в лицо. Достал он лишь до подбородка, но этого хватило, чтобы пальцы Лося разжались.

Опершись на плечи противника, Антонов повторил удар, на этот раз – в нос. В его собственной голове словно дважды взорвали петарду, но противнику пришлось значительно хуже. Расставив руки и пятясь на полусогнутых ногах, Лось старался сохранить равновесие.

Не теряя времени даром, подполковник метнулся к карабину и рванул его на себя, разворачивая так, чтобы дула смотрели в сторону. Бровастый успел потратить один заряд впустую, после чего его понесло по широкой дуге и шарахнуло об ствол дерева. Тогда он отпустил приклад, охнул, обмяк и сполз на землю, как будто слепленный из дрожжевого теста.

Лось устоял на ногах и помотал головой, прогоняя обморочную одурь. Антонов передернул затвор и повел стволом, направляя его на всех поочередно.

– Ключи, – сказал он негромко.

Лось посмотрел Антонову в глаза, оценивая, насколько серьезна угроза. Взгляд показался ему не менее убедительным, чем направленный на него ствол. Облизывая окровавленные губы, он бросил ключи. Они упали к ногам Антонова.

– Бумажник, – сказал он.

– Я тебя убью, – пообещал Лось, безрезультатно пытаясь втянуть красную юшку обратно в ноздри.

– Бумажник.

Дуло карабина уставилось Лосю между глаз.

– Отдай ему, – взвизгнул молодой егерь. – Он же сейчас выстрелит!

Бумажник мягко шлепнулся у ног Антонова. А вот отыскать телефон можно было разве что с помощью ищейки. Ладно, шут с ним. Если кто-то и наткнется на мобильник, то третья же попытка включить его закончится стиранием памяти и самоуничтожением чип-карты.

Отступив к «Порше», Антонов быстро открыл дверцу и поставил одну ногу в салон, не переставая целиться в подавленную троицу. Тот, у кого он отобрал ружье, осторожно вставал, держась рукой за ствол. Выше бровей у него красовалась кровоточащая отметина, напоминающая кастовый знак на лбу индуса.

Лось сплюнул, не сводя ненавидящего взгляда с Антонова.

– Тебе это даром не пройдет, щегол, – пригрозил он, трогая языком покрасневшие передние зубы.

– Мы это выясним, – пообещал Антонов. – Очень скоро. Я еду в усадьбу, пусть мадам Темногорская нас рассудит.

– Карабин верни, – попросил бровастый, осторожно ощупывая лоб.

– Я тебя все равно пришибу, – процедил Лось. – По-любому. Слышишь, щегол?

Ничего не сказав в ответ, Антонов сел за руль и завел двигатель. Карабин он выбросил из окна, когда отъехал метров на двадцать. Предварительно разрядив и проверив, на месте ли «Люгер».

Поскольку ехал Антонов медленно, зеленый пикап нагнал его минуты через две и пристроился сзади. За рулем сидел Лось и что-то говорил своим спутникам. На месте выбитого зуба чернела дыра. «Удобно плевать, но неловко улыбаться», – срифмовал Антонов в уме. Но весело ему не было. Он понимал, что в лице Лося нажил себе смертельного врага, а это могло осложнить выполнение задания.

Подкатив к воротам, подполковник без удивления увидел, что они открыты: наверняка егеря успели доложить о случившемся по мобильной связи. А вот у Антонова такой связи больше не было, и это еще больше затрудняло его положение.

Въехав во двор, он обогнул замшелый фонтан, наполненный не водой, а сухой листвой, и затормозил возле внедорожника, такого черного и лакового, словно его отлили из смолы, которая успела загустеть. Как только он выбрался наружу, дверь отворилась, выпуская на крыльцо тяжелую тушу Темногорской.

– Добро пожаловать, Константин, рада вас видеть, – произнесла она в нос и посмотрела поверх головы. – Боже правый, что с тобой, Игнат? Ты упал? Ай-яй-яй, следует быть осторожнее.

Антонову не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что она обращается к Лосю. А в голосе Темногорской, помимо гайморитных ноток, он услышал злобную издевку. Как будто она дразнила своего цепного цербера, желая натравить его на гостя.

Антонову это не понравилось. Ворота за ним закрылись, а прорываться на волю с оружием в руках ему не хотелось. Не для этого его прислали.

– Мы думали, он браконьер, – буркнул Лось, словно это могло послужить ему оправданием.

– Ты шепелявишь, мой друг, – попрекнула своего цербера хозяйка. – Если ты начнешь вставлять зубы в таком возрасте, то к пятидесяти у тебя ни одного настоящего не останется.

– Мне тоже здорово досталось, – примирительно произнес Антонов, прикасаясь ко лбу. – Так что квиты.

– Нет! – рявкнул Лось.

Темногорская погрозила ему пальцем.

– Не смей повышать голос! Не здесь норов надо было показывать. Возьмешь вещи нашего гостя и отнесешь в дом. – Она обратилась к Антонову. – Оставьте ему ключи, Константин и следуйте за мной. Игнат обо всем позаботится, не беспокойтесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.